«Хорошо, я думаю», сказала она. Но я могу наложить вето на любые фотографии, если считаю, что их слишком много. Иметь дело?"

— Договорились, — сказал Джек. «Я подожду у бассейна, пока ты его наденешь».

Он закрыл за собой дверь. Джилл стояла над крошечным костюмом, лежавшим на кровати.

Она сняла комбинезон и быстро завязала бикини цвета морской волны. Она не носила его уже много лет и забыла, насколько легким он ей казался. Такое ощущение, будто на ней вообще ничего не было надето. Закончив с обеими завязками на бедрах, она неохотно посмотрела в зеркало в полный рост, чтобы увидеть свое отражение.

Вау, подумала она. Он был маленький. Безумно маленький. Треугольные вершины были всего пару дюймов в поперечнике, и ее бледная, полная грудь выдавалась во все стороны. Дно было таким же крошечным — не более чем тонкий перевернутый треугольник, закрывающий именно то, что ему было абсолютно необходимо, и ничего более. Если бы он сдвинулся хотя бы на долю дюйма в любую сторону, обнажилась бы часть ее половых губ.

Она полуобернулась, чтобы увидеть заднюю крышку. Это были не стринги, но треугольник ткани оставлял большую часть ее ягодиц обнаженной, а его вершина исчезала в расщелине внизу ее щек. Ей было приятно видеть, что ее попа в крошечном костюме выглядела твердой, без каких-либо признаков неминуемого обвисания. Цвет костюма тоже подходил; бледно-зелено-голубой цвет красиво оттенял ее бледное, розовое, веснушчатое тело.

Больше всего ее беспокоил не размер костюма, а тонкость лайкры - ткань толщиной менее миллиметра скрывала ее интимные места из поля зрения. И, честно говоря, они не были полностью затемнены. Костюм не был прозрачным, но у него не было подкладки, и он был настолько тонким, что плотно прилегал к ее соскам, которые заметно выступали, и к ее киске, оставляя тонкую, но заметную вертикальную ямочку между ее ногами. Когда она пригляделась еще повнимательнее, то заметила намек на темноту и там, где находились ее интимные места.

Она также увидела несколько выбившихся волос, торчащих снизу. Ей придется об этом позаботиться.

Она стряхнула нижнюю часть, пошла в душ в ванной, достала бритву и немного крема для бритья. Хорошо подстриженная прядь каштановых волос мало что могла скрыть что-либо внизу, но, выглядывая из-под костюма, она выглядела бы плохо. Она начала брить бока, а потом по прихоти решила сбрить все это. Так с костюмом будет легче справиться, и избавление от остатков зарослей не займет много времени. За несколько движений она была чисто выбрита. Джону это всегда нравилось, сказал он, потому что ему нравилось ощущение ее гладкой кожи на своем члене. Джилл тоже нравилось это чувство.

Побритая и готовая, Джилл снова надела костюм. Она нанесла еще больше солнцезащитного крема, чтобы защитить свою бледную кожу от летнего солнца. Она подумала надеть прикрытие, но не сделала этого раньше и решила не делать этого. В доме не было никого, кто мог бы увидеть ее, кроме Джека, и не было никакого смысла скрывать от него ее тело, когда он все равно собирался сфотографировать ее через несколько минут.

Ее тело лежало в прохладной, кондиционированной атмосфере дома, а кожу покалывало, когда она спускалась по лестнице. Ей казалось, что на ней ничего нет.

Уверенность Джилл пошатнулась. Она зашла на кухню и налила себе стакан белого вина. Несколько глотков немного успокоили ее нервозность, и она взяла стакан с собой на задний

двор.

Когда она открыла заднюю дверь и вышла на солнце к бассейну, Джек услышал ее и поднял глаза, переключив большую вспышку на свою цифровую камеру. Его челюсть отвисла прежде, чем он взял себя в руки. Он замолчал, прежде чем заговорить.

«Мама, это выглядит идеально», — сказал он.

Джилл почувствовала облегчение, услышав это.

«Итак», сказала она. «Где ты хочешь меня?»

«Неудачный выбор слова», — подумала она. Она увидела слабую улыбку на губах Джека и знала, что он тоже думает о выборе слова.

— Здесь, — медленно сказал он.

Он подвел ее к краю бассейна, где позади лежали густые зеленые кусты, служившие подходящим фоном для фотографии.

«Давайте начнем с хорошего портретного снимка. Это будет мило, красиво и не слишком сексуально, но ваши… э… потенциальные партнеры увидят по вашим обнаженным плечам, что вы в купальнике. Вы можете использовать его как хороший портретный снимок».

Он указал ей, куда идти, своими словами корректируя ее положение, чтобы получить правильный свет и фон. Он сделал несколько фотографий, регулируя настройки и степень заполняющей вспышки, чтобы компенсировать падающие сверху блики. Он опустил камеру и посмотрел на нее.

«Ух ты, получилось здорово», — сказал он. "Приди и посмотри."

Она подошла к нему боком и наклонилась, чтобы посмотреть фотографии, которые он только что сделал, на экране просмотра в задней части цифровой камеры. Она знала, что ее едва одетая грудь прижалась к его руке, но не убрала ее.

Это были хорошие фотографии. У Джека был зоркий глаз, а ее глаза и улыбка, должна была признаться, выглядели молодыми и красивыми. Это была хорошая классическая портретная фотография, вот только гладкая веснушчатая кожа ее плеч была обнажена, а не покрыта.

Джилл почувствовала прилив уверенности. «На этих фотографиях я выгляжу намного лучше и моложе, чем на тех, которые сделала я», — подумала она.

— Хорошо, мам, — сказал Джек. «Давайте сделаем несколько настоящих снимков в бикини».

Джек показал Джилл несколько поз, стоя у бассейна: руки подбоченились, руки по бокам, руки над головой. Он попросил ее встать, поставив одну ногу перед другой, затем перенеся вес тела на одну ногу и согнув другую, а затем раздвинув ноги. Последняя поза заставила ее почувствовать себя более уязвимой. Чем дальше были ее ноги, тем больше обнаженной плоти и тем меньше по сравнению с ней была крошечная попка. Но когда она стояла так, перед сыном, знакомое покалывание пробежало по ее телу. То чувство силы, которое она почувствовала, когда ее ноги раздвинулись. Ей было неловко, что покалывание появилось в присутствии сына. Но это было приятное чувство. Она не чувствовала этого уже долгое время, но оно вернулось обратно. Джек задержался на этой последней позе, делая новые фотографии.

«Давайте вернемся к шезлонгу», — сказал Джек.

Джилл подошла к нему и села в его конце, все еще стоя на террасе у бассейна.

«Положи ногу на стул».

Она сделала, как он просил, поставив одну ногу на подушку стула, а другую на бетонный дворик и выставив пальцы ног на обе ноги. Ее ноги были согнуты и раздвинуты, колени подняты, и, опять же, она осознавала, какое зрелище устроили Джеку ее открытые ноги.

«Мне следовало бы смущаться больше, чем сейчас», — подумала она. Я не должен этого делать.

Но она сделала это, следуя всем инструкциям Джека. Он делал кадр за кадром, пока она принимала разные позы на стуле. На мгновение она посмотрела вниз, и ей понравился контраст подушки сиденья, ее костюма и ее бледной кожи. Судя по внимательности Джека с фотоаппаратом, она догадалась, что ему это тоже понравилось.

Она потянулась к своему бокалу и сделала глоток, затем большой глоток, а затем еще большой глоток, пока стакан не опустел. Прохладное Шардоне проникло в ее живот и оказало немедленный эффект. Напряжение и нервозность ушли. Спокойствие взяло верх. И что-то еще охватило ее — дрожь возбуждения, может быть, даже возбуждения.

«Ты прекрасно выглядишь, мама!» - сказал Джек. Она ценила его усилия успокоить ее, хотя они становились менее необходимыми. Джилл была одновременно поражена странностью того, что она делала, и восхитительностью ее ощущений. Было приятно, что кто-то снова оценил ее тело, даже если это был ее сын.

"Спасибо!" она сказала. "У меня есть идея."

Она встала со стула, а затем села во внутреннем дворике. Лучезарное тепло от бетона на мгновение обожгло ее почти голую задницу, но она заставила себя смириться. Она вытянула ноги в стороны. Она задавалась вопросом, насколько хорошо она все еще может садиться на шпагат во внутреннем дворике у бассейна в крошечном костюме.

Глаза Джека широко раскрылись, когда ноги его мамы вытянулись шире. Мама увлеклась этим, и ей начало нравиться шоу, которое она устраивала. Джека это устраивало. Он постоянно работал с органами управления камерой, чтобы получить как можно более четкую и сфокусированную фотографию своей мамы, широко растянувшейся во внутреннем дворике в крошечном бикини.

Ее ноги не совсем приняли горизонтальное положение, но приблизились к этому. Джеку казалось, что они тянулись вечность по обе стороны от нее, заканчиваясь выкрашенными в красный цвет ногтями на ногах, направленными в обе стороны. Длина ее ног подчеркивала лаконичность плавок бикини, которые теперь плотно прилегали к той небольшой части ее тела, которую они прикрывали. Он сделал еще несколько фотографий.

«Позы йоги!» она сказала. Джек даже не знал, что это значит. Он знал, что его мама занимается йогой, и он часто видел ее в одежде для йоги, но никогда не видел, как она это делает, и никогда не делал этого сам.

Джек получил быстрое образование, наблюдая, как его мама подвергала свое тело серии поворотов и растяжек. Ее едва одетое тело раскинулось перед ним, ноги и руки двигались туда-

сюда. Он попытался сосредоточиться на фотографии, но обнаружил, что его глаза постоянно оглядываются на мельчайшие верхний и нижний треугольники, задаваясь вопросом, не приведет ли растяжение к тому, что что-то неожиданно выскочит. Ему становилось теплее под солнцем. На лбу и руках у него лежала пленка пота. И он мог видеть через объектив камеры пот, который начал покрывать открытую кожу его мамы. Вскоре ее окутало сексуальное сияние.

«Ух ты, мама, это фантастика», — сказал он. Он сделал еще несколько фотографий и покачал головой. Он потерял контроль над съемкой как фотограф. Мама шла впереди. Как бы ему ни нравилось наблюдать, как его мама берет на себя ответственность и позирует для него, были определенные кадры, которые он хотел сделать.

«Мама, давай вернемся в шезлонг», — сказал он.

http://tl.rulate.ru/book/4369/157405